

"Семиэтажный" дом Из реального комментария к повести В. Катаева "Уже написан Вертер"*

**Одесса. Маразлиевская улица. Фото 1918 г.
Вдали — здание, где в 1920 г. расположилась
Одесская ЧК**

<...> невообразимый мир, который прятался где-то по правую руку от массивных Сабанских казарм. Там возле проходной будки стоял часовой-китаец.

В. Катаев

Площадка седьмого этажа <...> над Маразлиевской улицей, над Александровским парком с каменными арками старинной турецкой крепости.

В. Катаев

Море, еле заметное за деревьями парка за семиэтажным домом.

В. Катаев

<...> на улицу, наполовину покрытую еще ночной тенью Александровского парка, до сих пор еще не переименованного.

В. Катаев

Все эти разрозненные штрихи ведут к району парка имени Т. Шевченко, ранее Александровского, улиц Канатной (Свердлова) и Маразлиевской (Энгельса). Так называемые "Сабанские казармы" — на углу Канатной и Сабанского (Суворова) переулка; "арки старинной турецкой крепости" — сохранившиеся остатки стены и башни бывшего карантин; "до сих пор еще не переименованного", — сообщение о переименовании Александровского парка в "парк Шевченко" было опубликовано в одной из одесских газет 30 апреля 1920 года.¹

* Полностью реальный комментарий С.З. Лущика опубликован книгой вместе с повестью В. Катаева. Одесса. Optimum. 1999.

В этом районе с весны 1920 по осень 1941 года находилось печально знаменитое учреждение, периодически менявшее название: ЧК — ОГПУ — НКВД. Не путать с таким же зловещим адресом на Екатерининской площади! Напомним: в период пребывания большевистских властей в Одессе с апреля по август 1919 года карательные органы расположились в нескольких зданиях на Екатерининской площади. Сюда же они вернулись и в феврале 1920-го, а в конце апреля — начале мая перешли на новое место, рядом с парком Шевченко.²

Первый же из послереволюционных справочников "Вся Одесса" за 1923 год указывает точный адрес: "Одесский губернский отдел Государственного Политического Управления (ОГПУ) — ул. Энгельса, 40".³ Важное уточнение находим в книге "1920 г." известного публициста и общественного деятеля В. Шульгина, оказавшегося в тот период в Одессе и скрывавшегося от большевиков: "<...> одно из мест заключения, которых было несколько. Главное было на Маразлиевской, огромный дом, который одной стороной выходил на Канатную, 29".⁴

В справочнике "Вся Одесса" на 1914 год оба участка, и № 10 по Маразлиевской, и № 29 по Канатной, значатся собственностью одной владелицы, некоей Луизы Гойнинген-Гюне, жены барона. А. Розенбойм установил, что здание было построено в 1909 году "со всеми новейшими техническими усовершенствованиями, а путеводители причислили дом к самым красивым как снаружи, так и внутри".⁵

Страница изданных недавно воспоминаний профессора-историка С. Борового, который в 1920 году был семнадцатилетним юношей, также посвящена этому учреждению: "<...> зданиям, занятым ЧК (несколько домов по Канатной <...>, по Маразлиевской <...>, Сабанскому переулку). Эти дома, образовавшие квадрат, были связаны внутренними переходами и двориками".⁶ Экскурсия на местности показала: в наши дни участок по Маразлиевской, № 40, где в середине 1950-х было построено Мореходное училище Технического флота, примыкает в глубине к участку по Канатной, № 29, где лет двадцать тому назад вырос двенадцатиэтажный жилой дом с магазином "Дары природы".

<...> семизэтажный дом

В. Катаев

Площадка седьмого этажа. Седьмое небо. На один миг он как бы повис в пустоте неба.

В. Катаев

В собрании А. Дроздовского хранится уникальный стеклянный негатив 1918 года, на котором запечатлен отрезок Маразлиевской улицы с интересующим нас домом. Фотолюбитель-виртуоз С. Калмыков сумел получить с негатива качественный отпечаток, который был опубликован А. Розенбоймом.⁷ На снимке это здание — выше всех, доминирует над окружающими трехэтажными строениями. Но четко просчитывается: в нем пять этажей, только пять, но не семь! "Семиэтажный" — явно гипербола, с использованием символического числа "семь" и противопоставлением "седьмому небу".

* * *

Описанный В. Катаевым дом перестал существовать в октябре 1941 года, через несколько дней после ухода из Одессы (16 октября) частей Красной Армии и вступления в город румынских войск. Один из участников обороны Одессы, генерал А. Хренов, в ряде статей, а затем и в книге "Мосты к победе", рассказал "<...> о блестяще подготовленном и проведенном 22 октября 1941 года взрыве здания НКВД на улице Энгельса (бывшей Маразлиевской), во время которого погибли десятки фашистских генералов и офицеров".⁸ Оказывается, в начале октября дом был за-

Одесса. Развалины здания ЧК после взрыва. Фасад. Фото 1941 г.

благовременно заминирован. Румынское командование расположило здесь свой штаб, в момент какого-то большого совещания прогремел взрыв. По версии А. Хренова, одесские партизаны сообщили по радио дату и время этого совещания, взрыв был осуществлен по радиосигналу из Симферополя. По другой версии, обыгранной В. Катаевым в романе "За власть Советов" (1949), взрыв произвели сами партизаны.

О результатах можно судить по числу жертв. Ю. Сметанин, тогда юноша, который через месяц после взрыва поселился на улице Базарной неподалеку от парка Шевченко, вспоминает: "В парке видел около ста могил румынских офицеров, погибших при взрыве <...> на том месте, где сегодня "Аллея Славы" <...> Погибшие рядовые румынской армии, по сообщениям газет, были похоронены на кладбище <...> у с. Дальник. А высший комсостав в цинковых гробах отправлен на родину <...> Комиссары всех полиций города были на совещании и погибли".⁹

На следующее утро после взрыва на Одессу обрушилась волна массового террора, продолжавшегося дня три. Случайных прохожих, преимущественно мужчин, хватали и убивали без разбора. На улицах, площадях, базарах расстреливали и вешали, трупы казненных были разбросаны всюду, висели на деревьях и трамвайных проводах... Местная газета напечатала

Одесса. Развалины здания ЧК после взрыва. Внутренний корпус. Фото 1941 г.

**Газетное сообщение о терроре
после взрыва здания ЧК**

По свидетельству Ю. Сметанина, руины поначалу охранялись солдатами, а со временем стали бесхозными. "Меня влекла туда кроме любопытства нужда в топливе, которое добывалось в развалинах домов <...> блок пятиэтажных корпусов в виде каре, в котором лишь частично был разрушен уличный корпус. Взрыв развалил части двух смежных зданий (№ 42 и 40) <...> обрушил правую часть здания на всю высоту <...> Три дворовых корпуса не пострадали. Даже все стекла остались целы". Окрестные жители, и автор воспоминаний в их числе, извлекали из брошенных помещений мебель, стекла, затем паркет, стропила и все прочее, способное гореть, — ведь зима 1941-1942 годов оказалась для Одессы необычно суровой, а топлива в городе не было. К весне "комплекс зданий был постепенно раздет до каменного остова".¹¹

Сохранились две фотографии, выполненные неизвестно кем вскоре после взрыва (видны еще сохранившиеся стекла): на одной — разрушенный фасадный корпус, выходящий на Маразлиевскую, на другой — внутренний тюремный флигель со щитами на окнах камер нижнего этажа. В. Катаев писал о них:

в своем первом номере от 26 октября такое "Объявление": "Военное Командование гор. Одессы доводит до сведения населения Одессы и ее окрестностей, что после террористического акта, совершенного против Военного Командования в день 23 октября 1941 г. были расстреляны: за каждого офицера или штатского чиновника германца или румына по 200 большевиков, а за каждого солдата германца или румына по 100 большевиков".¹⁰

Как видим, "блестяще подготовленная", по выражению генерала Хренова, акция обернулась трагической гибелью многих тысяч мирных жителей Одессы. Агония "этого ужасного здания" оказалась такой же страшной, как и вся его 20-летняя история.

<...> возле полуподвальных, окон, на три четверти забитых косыми деревянными щитами...

Фотографии, публикуемые впервые¹², позволили удостовериться, что цокольная часть этого внутреннего корпуса сохранилась до наших дней на высоту порядка двух метров — со стороны двора нового здания по Канатной, 29. Прекрасное место для мемориальной доски!

* * *

<...> тот самый гараж, о котором в городе говорили с ужасом <...> темные кирпичи

Они были необъяснимо покорны, как все входившие в гараж
За полуоткрытыми воротами гаража проводилась странная работа

<...> полуоткрытые двери гаража, где уже заводили мотор грузовика. И туда по очереди вводили <...>

"Гараж" проходит лейтмотивом всей книги. Автор раздумывал, не взять ли это слово в качестве названия произведения: так был озаглавлен один из первых вариантов рукописи.

Из уст в уста, из поколения в поколение передавались в Одессе жуткие подробности массовых расстрелов в ЧК под шум работающего автомобильного мотора, заглушавшего звуки выстрелов. Это изобретение чекистов лета 1919 года применялось еще на Екатерининской площади, затем было использовано и в новом помещении на Маразлиевской.

Журналист В. Гридин запомнил рассказы своего крестного отца, автомобилиста С. Рагулина: устроился в "какой-то гараж" по рекомендации соседа-чекиста, затем узнал о своих обязанностях — поддерживать работу мотора, чтобы тот "громко шумел" во время расстрелов. Через два месяца не выдержал и уволился, несмотря на безработицу.

<...> разденутся и сбросят свои одежды на цветник сизых петуний <...> Четверо голых один за другим входили в гараж

Говорят, что при этом не отделяют мужчин от женщин. По списку. Но перед этим они все должны раздеться донага

Два первых уже исчезли. Их вещи кучей лежали на газоне. Стукнуло два выстрела

Прежде чем ему следовало войти туда, наступила еще не имеющая протяженности пауза, необходимая для того, чтобы он успел раздеться, как будто бы это был не гараж, а купальня...

Большинство читателей с недоверием восприняли эти натуралистические сцены раздевания обреченных — как некое авторское сгущение красок. Но историк И. Шкляев в недавно опубликованной статье об Одесской губчека приводит рассказ одного из бывших комендантов здания ЧК: "<...> приговоренные раздевались донага, причем одежду сортировали на мужскую и женскую, верхнюю и нижнюю".¹³

Гараж был выстроен из красных кирпичей, достаточно распространенных в Одессе, и зловещие напоминания об этих потемневших кирпичах то и дело повторяются на протяжении повести, становятся своего рода символом происходящего:

<...> он проходил мимо как будто знакомого недостроенного православного собора <...> Кирпичи почернели <...> почти черные кирпичики казались мучительно знакомыми. Кажется, из них было сложено когда-то другое строение <...> возможно, тот самый, гараж

<...> кабина испорченного лифта падала в шахту, сложенную все из того же кирпича

<...> погашенного маяка <...> с облупившейся штукатуркой и обнаженными кирпичами все того же венозного цвета

<...> мимо водопроводной станции, сложенной все из тех же проклятых кирпичей

<...> из стены на них посыпалась кирпичная пыль

Стукнуло два выстрела, тупо поглощенных кирпичной стеной

* * *

Там возле проходной будки стоял часовой-китаец

Дверь на блоке, завизжав, открылась, точно была не входом в ад, а дверью сарая. Мимо желтой статуэтки китайца все трое вошли в комендатуру

<...> проехал грузовик <...> это везут за город мертвые тела, покрытые брезентом, из-под которого торчит белое колено

Как свидетельствовали очевидцы, трупы везли на рассвете, чаще на телегах, в сторону Водопроводной улицы и кладбищ. Мостовая по Канатной была в кровавых следах, прохожие обходили улицу стороной. Из воспоминаний инженера И. Володина, который в тот год восьми-девятилетним мальчиком жил в нынешнем Ватманском переулке, у начала Водопроводной: "Видел <...> как везли на Чумку на биндюгах трупы расстрелянных офицеров из ЧК на Маразлиевской".¹⁴

Примечания

1. Переименование улиц // Известия Одесского <...>— 1920. — 30 апр. — С. 1.
2. В местной газете "Известия Одесского <...>" время от времени появлялась информация "От О.Г.Ч.К.", в которой иногда указывались адреса этой организации: 7 апр. 1920: "Прием оружия будет производиться в помещении комендатуры о.г.ч.к. по Екатерининской площади № 7"; 30 апр. 1920: "В виду переезда одесской губернской чрезвычайной комиссии в другое помещение всякий прием до 3 мая прекращен"; 9 мая 1920: "<...> явиться в комендатуру О.Г.Ч.К. (по Канатной ул. № 29)". Аналогичная информация, но без конкретных адресов, обнаружена и в стенной газете "ЮГРОСТА: Издание Южного областного отделения Всеукраинского бюро РОСТА" [Одесса, 1920]: 20 апр.: "Сегодня Ч.К. перешло в новое помещение. В 4 часа арестованные были переведены туда под усиленным конвоем"; 29 апр.: "Вчера во время перевода партии арестованных из Ч.К. сейчас же по выводе их из ворот дома, где помещается Ч.К., двое из арестованных бросились бежать по военному спуску". Очевидно, арестованных было так много, что перевод их продолжался несколько дней.
3. Вся Одесса: Адресная и справочная книга на 1923 год. — Одесса, 1923. — С. 57. — Справочники типа "Вся Одесса" регулярно издавались в городе до начала мировой войны, последний из них — "на 1914 год". Затем последовал перерыв до 1923 г.
4. Шульгин В. 1920 г.: Очерки. — Л., 1927. — С. 150.
5. Александров Р. [Розенбойм А.]. Губчека // Вечерняя Одесса. — 1984. — 10 нояб. — С. 4, ил.
6. Боровой С. Воспоминания. — М.; Иерусалим, 1993. — С. 77.
7. Александров Р. — Указ. соч.
8. Хренов А.Ф. Тайна взрыва на ул. Энгельса // Черноморская коммуна. — Одесса, 1963. — 10 апр.; См. также: Хренов А.Ф. Мосты к победе. — М., 1982. — С. 142-144, 146, 151-152.
9. Сметанин Ю. Взрыв здания НКВД 22.10.41: [Рукопись]. — Одесса, 1997. — 6 л. — л. 5. — Не опубликована, хранится у автора.
10. Объявление // Одесская газета. — 1941. — 26 окт. № 1 — С. 2.
11. Сметанин Ю. — Указ. соч. — л. 2, об.; л. 4.
12. Собрание А.Ю.Розенбойма, Одесса.
13. Шкляев И.Н. Одесская Губчека как орган внесудебной репрессии // Записки исторического факультета Одесского госуниверситета. — Вып. 5. — Одесса, 1997. — С. 280.
14. Володин И.И. Эпрон: [Рукопись]. — С. 3. — Не опубликована, хранится у автора.